

УДК 327

ПОСЛЕ ИМПЕРИЙ: НУЖЕН ЛИ НАМ КОНЕЦ ИСТОРИИ?

Юдельсон Александр Владимирович,

канд. ист. наук, доцент, советник генерального директора Российского энергетического агентства
Министерства энергетики Российской Федерации, Москва, Россия
yudelson@mail.ru

Аннотация. Соперничество мировых империй развивалось не только в военной, но также и в мирной сфере — в науке и технологиях, торговле, культуре. Аккумулируя в этих целях ресурсы контролируемых территорий, империи добивались выдающихся результатов, которые и в наши дни помогают человечеству решать глобальные проблемы голода, межнациональных конфликтов, эпидемий, космических угроз. Масштабные политические трансформации XX в. лишь в незначительной мере затронули степень влияния бывших метрополий на мировые процессы. Продолжающееся соперничество постимперских объединений — эффективный инструмент противодействия человечества общим угрозам.

Ключевые слова: империя; соперничество; глобальные угрозы; конкурентоспособность; исторический процесс; русский мир.

AFTER THE EMPIRES: DO WE NEED THE END OF HISTORY?

Judel'son A. V.,

PhD (History), Professor, Adviser to the General Director of the Russian Energy Agency of the Ministry of Energy
of the Russian Federation, Moscow, Russia
yudelson@mail.ru

Abstract. The competition of the world empires developed not only in the military, but also in the peaceful sphere — in science and technology, trade and culture. Accumulating the resources of controlled territories for this purpose, empires achieved outstanding results which even nowadays help humanity to solve global problems of hunger, interethnic conflicts, epidemics, and cosmic threats. Large-scale political transformations of the 20th century only marginally affected the degree of influence of the former metropolitan countries on world processes. The continuing competition between the post-imperial associations is an effective tool for countering the common threats to humanity.

Keywords: empire; competition; global threats; competitiveness; historical process; the Russian world.

О том, что история, по выражению советского историка-марксиста М. Н. Покровского, «это политика, опрокинутая в прошлое», чаще всего вспоминают во время ярких юбилеев, подобных недавней годовщине августовского путча ГКЧП. Причем вспоминают, как правило, политики, а не историки, у которых в связи со спецификой профессии гораздо меньше возможностей для высказывания в популярных СМИ. А политики в анализе исторического прошлого «сраму не имут», для них история — средство, а не цель, понять их можно. К тому

же перед выборами все политики, вне зависимости от образования.

Читаю, например, Владислава Иноземцева, уважаемого экономиста и директора Центра исследований постиндустриального общества, который в модном «колониальном» ключе анализирует шансы ГКЧП на сохранение единства СССР. И, конечно же, он утверждает, что распад страны был неизбежен. И приводит при этом два аргумента. Во-первых, пишет автор, «История не знает демократических империй — она даже не знает демократических государств, сохранившихся в границах прежних империй: и поэтому

с путчем или без, с коммунистами или без таковых Советский Союз был обречен». А во-вторых, «распад СССР был, хотя это и может кого-то сильно разочаровать, банальной деколонизацией с довольно предсказуемыми последствиями» [1].

Насчет демократических империй я и в самом деле мало что могу сказать. В Древнем Риме под властью императоров оставались кое-какие республиканские институты, но форму правления, действительно, сложно назвать демократической. Демократическая Британия, как и Япония, сохранила от империи, на первый взгляд, только корону, а Германия, Франция, Россия и Китай уже даже успели забыть, как эта корона выглядела за пределами музея.

Другое дело, что империя, в христианском понимании этого слова, это не форма правления, а миссия по наведению порядка и справедливости в преддверии второго пришествия — когда Христос, спустившись с небес, с общего для всех народов Земли императорского трона, начнет править нами во имя добра и всеобщего благоденствия [2, с. 11–12]. Поэтому и французские отцы современной демократии немало времени провели в спорах о «просвещенном монархе» — в их представлении его идеальное правление было вполне конкурентоспособным в отношении власти представителей народа. Стремясь добиться тотальной гегемонии (трон для Христа мог быть всего один), империи соперничали друг с другом, используя ресурсы всех подконтрольных территорий, и в ходе этого соперничества добивались поистине удивительных результатов в науке, искусстве, промышленности и технологиях.

И вот здесь, в рамках миссии по спасению человечества от внешних (дьявол) и внутренних (междоусобицы и насилие) угроз, империи оказывались не менее живучими, чем демократические государства. Вспомним, как развалившись в 1918 г. на жалкие осколки, буквально из пепла возродилась Российская империя. Уже к 1940 г. она практически вернулась в прежние границы, а еще через несколько лет перешагнула их. Точно так же, как смог вернуться в свои прежние границы развалившийся и оккупированный в начале XX в. Китай, — тоже, кстати, не называвшийся больше «Китайской империей». Еще более удивительные метаморфозы произошли с Германской и Британской империями, которые также смогли трансформироваться и сохранить свое влияние, — но, в связи с кажущейся пара-

доксальностью этого утверждения, об этом мы поговорим позже.

Так что же заставляло империи трансформироваться и возрождаться в новых исторических условиях, ведь не борьба же с дьяволом?

В демагогическом смысле борьба с дьяволом, действительно, имела место. Его проекция в виде внешних угроз от политических оппонентов продолжает скреплять постимперские образования и в наши дни. Известный тезис про «два мира, две морали» продолжает успешно работать, давая ориентиры популярным СМИ по всему свету: иначе откуда бы взяться всем этим «гейропейцам», «колорадам» и прочим «мельдонистам»? Постимперские образования защищают свои территории влияния, «отстраиваясь» от конкурентов, в том числе инструментами демонизации [3], не гнушаясь при этом довольно дикими обобщениями (на той стороне сплошь фашисты, террористы, коммунисты, гомосексуалисты и прочие -исты).

Кроме примитивной демонизации, в арсенале постимперских образований есть и более сильные средства: общая история и язык, культурные достижения, системы образования, науки, здравоохранения и социальной поддержки, правовое поле, информационное пространство, производственные и экономические связи, взаимопомощь в чрезвычайных ситуациях, средства защиты от внешних угроз (включая не только военные угрозы, но и угрозы эпидемиологического, экологического и космического характера).

На этом я хотел бы остановиться чуть подробнее. В отличие от дьявола, на серный запах которого в последнее время все меньше обращают внимание, другие глобальные источники угроз не потеряли разрушительной мощности. Возможность столкновения Земли с космическими телами, цунами, землетрясения, неизлечимые болезни, социальная агрессия и последствия социального неравенства, национализм, терроризм, энергетическая бедность и другие глобальные угрозы [4] требуют от земель быстрого технологического развития, концентрации большого количества ресурсов (интеллектуальных, финансовых, технологических, энергетических...) на наиболее важных направлениях, а также социального консенсуса по поводу распределения ресурсов.

Империи, надо сказать, с решением этих задач неплохо справлялись. И в немалой степени,

на этом хочу сделать особый акцент, благодаря жесткой конкуренции и даже военному противостоянию друг с другом. Вспомним, как после Второй мировой войны изрядно напуганные последствиями геноцида и применения ядерного оружия мировые технологические лидеры в беспрецедентно короткие сроки реализовали свои космические программы! Человечество, в течение миллионов лет способное только наблюдать за кометами, получило возможность не только исследовать космическое пространство, но и, при необходимости, менять траекторию движения астероидов или уничтожать угрожающие Земле объекты. В дальнейшем, я уверен, люди смогут изменить и орбиту движения Земли в случае угрожающих ей катаклизмов на Солнце или других космических телах.

Или еще пример, как поиск возможности противодействовать последствиям ядерного облучения в случае полномасштабного конфликта продвинул вперед медицинские исследования и медицинские технологии [5]! На современную медицину сегодня работают все сферы науки, применяются все самые совершенные технологии. Медицина вышла на уровень коррекции генетических заболеваний, и уже проводятся операции на клеточном уровне.

Не менее удивительные достижения можно отметить в области энергообеспечения, восстановления и охраны природы, производства продуктов питания, искусственных материалов, информационных технологий. Но легко ли добиваться прогресса в каждом из названных мной технологических направлений? Многие ли страны способны самостоятельно произвести не то что космический аппарат или томограф, а хотя бы самолет или вакцину?

Ясно, что в обычных условиях таких стран нет. Вопросы решаются за счет международной кооперации, а решения стимулируются за счет конкуренции производителей. Тем не менее наиболее сложные научно-конструкторские объединения и наиболее крупные производственные цепочки способны создать только развитые страны-производители: США, Япония, Германия, Россия, Китай, Великобритания, Франция. К сожалению или к счастью, аккумулировать грандиозные ресурсы и выдать «на гора» готовый технологически совершенный продукт могут только бывшие империи. У них

есть исторически сложившееся языковое, научное, экономическое пространство, которое позволяет решать задачи такой сложности. А стимулом, ускоряющим научно-технический прогресс, является на этом уровне глобальная конкуренция постимперий, которая находится в сложных отношениях взаимодополнения с рыночной конкуренцией.

Замечу, кстати, что надежды на частный бизнес как возможную альтернативу надстранным объединениям в решении общечеловеческих задач (например, в США задачи освоения космоса или борьбы с неизлечимыми болезнями все чаще отдают на откуп частным компаниям) пока не выглядят обоснованными. Частный бизнес поддерживает демократию только во внешней среде, а внутри корпорации, как правило, царит строгая иерархия. В случае получения контроля над уникальной услугой или продукцией любая корпорация для максимизации прибыли будет отстаивать монополию, применяя при этом правовые или внеправовые меры принуждения. В истории достаточно примеров негативных последствий получения частной компанией контроля над критически важной технологией или продуктом — скажем, известный случай с повышением стоимости лекарств для онкобольных в 55 раз после покупки компании-производителя инвестором Мартином Шкрели в США [7]. Гегемония частной компании, для которой нет сдерживающих механизмов, подобных Совбезу ООН, еще более непредсказуема, чем гегемония одного постимперского образования: подумаем, безопаснее ли стало в мире после того, как ряд критически важных технологий и возможности по их совершенствованию оказались в руках одной супердержавы?

Многие, конечно, скажут, что США нельзя причислять к числу бывших империй, а Капитолий и Сенат в Вашингтоне — лишь отзвуки Древнего Рима, подчеркивающие приверженность идеям демократии и разделения властей. Но нельзя отрицать и то, что, победив англичан в войне за независимость, Штаты сохранили единое с Британией языковое и во многом культурное пространство, экономические и научные связи, а в дальнейшем — прочный военно-политический союз. Территориальный развал Британской империи и строительство на ее обломках Британского содружества (несомненно, прообраза СНГ) не сократило, а лишь

приумножило возможности крупнейшего постимперского образования — англосаксонского мира (или содружества наций...) — в решении глобальных задач.

После краха 3-го Рейха Германия прошла еще более сложный путь восстановления влияния на ранее контролируемых территориях и тоже добилась впечатляющих результатов. Благодаря экономической экспансии, научному и политическому авторитету Германия смогла стать важнейшим европейским центром принятия решений в Евросоюзе, что дает ей возможность управлять трудовыми и интеллектуальными ресурсами почти целого континента. Так же, как и в других постимперских образованиях, Германия сохранила технологическое и экономическое лидерство, научно-образовательный потенциал, позволяющий «снимать сливки» в виде талантливой молодежи и трудовых мигрантов с соседних стран, расширять языковое и политическое влияние. Мне кажется, что недавний брексит в какой-то степени стал ответом на эту экспансию: британцам сложно принять усиливающееся влияние Германии в Европе, а ужиться в одной берлоге медведи еще не научились. АнтиЕСовские настроения во Франции также оказывают влияние на политику, хотя и не столь явно, как в Британии.

На территории бывшей Российской империи центристские и центробежные силы еще только тянутся к своему хрупкому равновесию. Элиты бывших союзных республик продолжают отстраиваться от общего прошлого за счет педалирования тем колониализма, оккупации, несметных обид и разбитых надежд, связанных с политикой имперской или союзной власти, замалчивая при этом вклад самих национальных элит во все эти процессы. Нельзя же отрицать, что имперские и союзные органы власти формировались за счет (насколько это возможно) пропорционального рекрутирования представителей всех без исключения национальных республик и районов [8]. Удары наносятся по основам единого постимперского пространства: русскому языку, экономическим связям, научно-образовательным системам. Для замыливания очевидных исторических процессов местные элиты пытаются даже переложить ответственность за разбитые мечты и мифическую оккупацию с союзных органов власти (в которых, напомним, были представ-

лены сами национальные элиты) на русских, у которых, оказывается, есть специфические черты, способствующие нанесению обид соседям.

Теоретизирования на тему колониального распада СССР в 1991 г. могут, конечно, понаравиться элитам бывших союзных республик, но они совершенно не приближают нас к пониманию того, что с нами происходит сегодня.

Союзные республики не были колониями в классическом смысле этого слова: они не управлялись колониальной администрацией, для них не создавались уникальные формы правления, они не имели подчиненного статуса перед лицом метрополии. Формально, Эстония и Россия имели равный статус в СССР, некоторые практические различия были связаны только с количеством населения и другими количественными показателями. Союзные власти меняли административное деление, тасуя районы и целые области с населением между республиками так, как они привыкли делать в рамках единого суверенного субъекта — в основном для решения экономических задач. Никакому французскому президенту не пришло бы в голову в интересах экономики присоединить район континентальной Франции, например, к Алжиру; а в СССР такие решения проходили легко и непринужденно.

Решение общесоюзных, глобальных задач осуществлялось не за счет каких-то особых податей для национальных республик, а за счет концентрации ресурсов на наиболее важных направлениях: талантливая молодежь из всех уголков страны пополняла научно-исследовательские центры, формировалась общая армия, производственные связи, актерские школы и т.п. Видеть во всем этом элементы угнетения довольно странно: молодежь в столичные вузы сгоняли не силой, с любыми проявлениями дискриминации по национальному признаку боролись (признаю, не всегда успешно). Равным образом можно увидеть элементы угнетения Польши Германией, Великобританией или Францией на основании того, что талантливая молодежь едет в эти страны поступать в вузы или работать водопроводчиками, а местные заводы давно закрылись или куплены Сименсом или Фольксвагеном.

Поэтому стремление России противодействовать центробежным силам на границах бывшей империи вполне соответствует стрем-

лению других постимперий контролировать ресурсы своих бывших территорий для решения глобальных задач, защиты совместно созданной культуры и участия в истории Земли в качестве самостоятельного субъекта политики. Попытка таких участников общего исторического процесса, как Грузия или Украина (которые в свое время вошли в Империю для сохранения своей национальной культуры), перейти в орбиту влияния другого постимперского образования — с другим языком, другими приоритетами, с другим менталитетом, если хотите, — вызывают, конечно, не только ревность, но и противодействие. К сожалению, в глобальной конкуренции не без этого.

И тут впору задаться вопросом: почему надо выбирать между англосаксонским или русским миром, нельзя ли работать на свой собственный, например, украинский мир, и кто вообще дал право каким-то странам концентрировать ресурсы от имени полумифических империй?

Ну, права, действительно, никто не давал. Даже если требовалось формальное одобрение Папы Римского, европейские императоры (будь то Карл V или Наполеон) предпочитали захватывать Рим и настойчиво рекомендовать Папам не вмешиваться в естественный ход вещей. Права брали сами, опираясь на историческую ситуацию и имевшиеся возможности.

Например, в XV в., когда агонизировала Восточная Римская империя (Византия), объявить себя ее преемником и начать объединять православные земли смогла Московия, а вот Грузия или Восточная Польша с Киевом не смогли. Так получилось, Москву вряд ли можно обвинять в этом. На пространстве империи менялись идеологии, элиты, религии, но сохранялась работоспособность общеимперских институтов, позволяющих решать глобальные задачи и отстаивать суверенитет. Начав с миссии спасения православия в условиях падения Константинополя, Российская империя смогла трансформировать эту идею в миссию освобождения человечества от угнетения человека человеком и строительства нового мира социальной справедливости — коммунизма. На определенном историческом этапе это дало ей возможность выйти за исторические границы Восточной Римской империи и шагнуть в Азию, Африку и Америку.

Если сильно не придирается, Российская империя занимала вполне достойное место

в окружении других достойных империй: совместными усилиями народов была создана конкурентоспособная наука, богатая культура, накоплен колоссальный опыт решения конфликтов. Кроме того, конкурируя с другими империями, Россия внесла огромный вклад в решение общечеловеческих задач: и в области космоса, и в сфере медицины, и в деле энергообеспечения. И, опираясь на накопленные исторические, культурные, научно-производственные связи с бывшими союзными республиками, она продолжает вносить этот вклад. Вклад будет расти, если удастся скорее уравновесить центробежные силы и уменьшаться, если талантливая молодежь, инженеры, ученые и финансисты из России и бывших союзных республик будут стремиться реализовать себя в проектах и системах, организованных конкурирующими постимперскими образованиями.

А создать свой собственный, конкурентоспособный и влиятельный украинский, грузинский или латвийский центр решения глобальных задач человечества нельзя. В рамках национального государства не удастся организовать научные исследования по всем направлениям, построить промышленность, способную самостоятельно произвести хотя бы автомобиль. Молодежь будет вынуждена искать реализацию своих способностей на чужбине, в другой языковой среде — ну, если, конечно, выбор будет сделан не в пользу стран бывшего СССР. Оградившись от привычных рынков сбыта и транспортных коридоров, этим странам очень сложно будет найти им адекватную замену. Впрочем, это их выбор. А бывшая империя, отступая и огрызаясь, болея и перестраиваясь, подчиняясь закону самосохранения, будет пытаться выжить и вернуть себе место в глобальном историческом процессе — с Украиной и Грузией или без них. Как сложится.

Так что горячие точки и буферные республики на границах России — не оккупация земель и не проявление агрессивной политики, как это часто представляют в Грузии, Украине или Соединенных Штатах. Это борьба за место в историческом процессе, отвоеванное усилиями многих поколений жителей единой империи, — в том процессе, который некоторыми американскими аналитиками после развала СССР был объявлен завершенным. Они ошиблись, дело не закончено. Надеюсь, к общей пользе для всего человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иноземцев В. Август-91: был ли неизбежен распад СССР после провала путча? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/politics/18/08/2016/57b5af2e9a79470e26ffe0cc>.
2. Боханов А.Н. Российская империя: образ и смысл. М., 2014.
3. Милн Ш. Демонизация России — это путь к войне // The Guardian, 05.03.2015.
4. Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке // Стратегические приоритеты, 2014. Вып. 1.
5. Атомное оружие и мирный атом [Электронный ресурс]. URL: http://www.ibrae.ac.ru/russian/chernobyl-3d/society/III_5_3.htm.
6. Харпер М. Феномен Шкрели: как стать главным злодеем Америки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru/kompanii/potrebitelskii-rynok/314735-fenomen-shkreli-kak-stat-glavnym-zlodeem-ameriki>.
7. Чернев А.Д. Национальный состав высшей партийно-государственной элиты СССР [Электронный ресурс]. URL: http://parentalnotes.com/?page_id=2740.

REFERENCES

1. Inozemcev V. August-91: was the collapse of the USSR inevitable after the failure of the putsch? [Avgust-91: byl li neizbezhen raspad SSSR posle provala putcha?]. Available at: <http://www.rbc.ru/opinions/politics/18/08/2016/57b5af2e9a79470e26ffe0cc>.
2. Bohanov A.N. Russian Empire: image and meaning [Rossijskaja imperija: obraz i smysl]. Moscow, 2014.
3. Miln Sh. Demonization of Russia is the way to war [Demonizacija Rossii — jeto put' k vojne]. *The Guardian*, 05.03.2015.
4. Global threats to the development of civilization in the 21st century [Global'nye ugrozy razvitiyu civilizacii v XXI veke]. *Strategicheskie prioritety — Strategic priorities*, 2014, vol. 1.
5. Atomic weapons and peaceful atom [Atomnoe oruzhie i mirnyj atom]. Available at: http://www.ibrae.ac.ru/russian/chernobyl-3d/society/III_5_3.htm.
6. Harper M. The Shkreley phenomenon: how to become the main villain of America [Fenomen Shkreli: kak stat' glavnym zlodeem Ameriki]. Available at: <http://www.forbes.ru/kompanii/potrebitelskii-rynok/314735-fenomen-shkreli-kak-stat-glavnym-zlodeem-ameriki>.
7. Chernev A.D. National composition of the highest party-state elite of the USSR [Nacional'nyj sostav vysshej partijno-gosudarstvennoj jelity SSSR]. Available at: http://parentalnotes.com/?page_id=2740.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Учебник создан коллективом авторов Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации и предназначен для изучения основных тем по направлению «Политология». В учебнике нашли отражение не только ранее утвердившиеся положения политической науки, но и новые подходы к базовым темам политологии.

Соответствует требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования последнего поколения.

Для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки высшего образования (бакалавриат) и изучающих гуманитарные науки, науки об обществе, математические и естественные науки, технические науки.

Учебник может быть использован преподавателями для разработки учебных курсов и спецкурсов по базовым темам политической науки.